

ИГОРЬ МАРТЫНЮК,

доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник отдела социальной психологии Института социологии НАН Украины

ДЕНИС АЛЕКСАНДРОВ,

аспирант отдела социальной психологии Института социологии НАН Украины

Протосоциологическая традиция в становлении категории “интерес”

Abstract

The authors critically examine distinctive features of theoretical discourses regarding the interest category within a number of protosociological scientific paradigms. Particular attention is paid to analysis and systematization of the main ideas about essence, functions and mechanisms of interest developed and accumulated by social and human sciences in the period before a proper sociological cognition. The emphasis is placed not so much on criticism of protosociological theories as on revealing semantic load of the interest category.

Развитие современной социологии, несмотря на присущую ей парадигмальность, сложность, а порой и неоднозначность объективированных в понятийно-категориальном аппарате дискурсов, происходит двумя основными путями: 1) через выявление и осмысление новых фактов; 2) за счет переосмысления ранее установленных. Анализ категории “интерес” и совокупности отражаемых ею феноменов предполагает одновременное обращение к этим двум путям.

Казалось бы, что нового можно обнаружить в связи с понятием, прочно вошедшим в арсенал социологии с первых моментов ее существования как самостоятельной научной дисциплины, не говоря уже о долгой предыстории употребления его в социально-философских построениях?

Актуализация темы интереса закономерно диктуется, на наш взгляд, стремлением социологии покинуть “прокрустово ложе” традиционных тео-

рий и включить в предмет социологии внутренние состояния и побудительные мотивы социальных субъектов, обуславливающие алгоритмы их взаимодействия. Такая постановка проблемы не нова. Еще в начале прошлого столетия П.Сорокин обращал внимание на то, что, основываясь исключительно на объективной точке зрения и полностью исключая психические переживания из сферы исследования, мы в ряде случаев рискуем многого не понять: явления подвига и энтузиазма, явления жертвенности и религиозного экстаза, акты обожествления и уверования, акты ненависти и любви и т. п. во многих случаях с сугубо объективной позиции будут напоминать кабалистические знаки, ключ к прочтению которых утерян [1, т. 1, с. 331–332]. Но хотя ограниченность исследования взаимодействия социальных субъектов исключительно со структурно-функционалистских позиций, без изучения сопровождающих их психических переживаний вполне очевидна, особенно когда речь идет о ценностно-мотивационной сфере, системе интересов и потребностей, “в современной практике исследования общественных процессов до сих пор наблюдается тенденция к элиминированию эмоционально-чувственного компонента общественного сознания, психических переживаний из сферы факторов, определяющих социальное поведение людей, вынесение их “за скобки” как чего-то слишком ситуативного, неопределенного, несущественного” [2, с. 124]. Преодоление этой негативной тенденции, которое предстоит осуществить, будет означать расширение предметного поля социологии, охват нового множества социальных фактов и закрепление в ее категориальном аппарате соответствующих новых понятий, указывающих на единство структурных элементов общества с такими динамичными переменными, как социоэмоциональные состояния. Что касается интереса, такую связь может отражать все чаще используемое в научном обороте понятие “жизненные интересы” применительно к субъектам различного уровня.

Одновременно с усложнением теоретических моделей функционирования социума проявляется и необходимость переосмысления их содержательных компонентов. Интерес перестает отождествляться с нуждой, которая воспринимается и удовлетворяется (или не удовлетворяется) общественной группой сообразно ее положению в структуре общества. В связи с этим новые эпистемологические моменты, обусловленные современной трактовкой социологической категории “интерес”, требуют уточнения ее онтологического статуса и смысловой интерпретации на всем протяжении ее становления, начиная с протосоциологического этапа. Целесообразность обращения к данному периоду обусловлена не только и даже не столько необходимостью прояснения логики трансформации содержания понятия “интерес”, восхождения его на уровень научной категории (что само по себе небесполезно для осознания исследователем гносеологической “связи времен”, истоков и современного состояния изучения описываемого с помощью данной категории феномена), сколько перспективностью вторичной переработки “рудных отвалов” научного поиска, осуществлявшегося в данном направлении, поскольку они могут содержать, хотя бы в зачаточном виде, ценные идейные замыслы, незаслуженно забытые или оставшиеся вне поля зрения того парадигмального калейдоскопа, который обнаруживает магистральная линия развития обществоведения. Протосоциологический период смысловых трансформаций категории “интерес” заслуживает изучения как раз тем, что тогда общество как объект исследования, про-

исходящие в нем процессы и действующие механизмы еще не были расчленены на предметные поля отдельных научных дисциплин, что давало мыслителям прежних времен, в частности французским энциклопедистам, возможность более или менее целостного, хотя и несколько наивного восприятия всего проблемного поля. Не было нужды укладывать создаваемые теории в “прокрустово ложе” предмета отдельной науки или соотносить его с требованиями ВАК. Полагаем, что в историческом наследии обществоведческой науки кроется немало оригинальных нестандартных теоретических построений, которые с позиций сегодняшнего дня именовались бы “междисциплинарными”. Для социологии, особенно в качестве теоретического базиса социальной инженерии, крайне важно установить характер и параметры взаимосвязи свойственных группе средств и приемов реализации интереса и спектра форм, в том числе и девиантных, в которых он проявляется, актуализируется. Соответственно, вместе с изменением представлений о роли и сущности интереса как социологической категории происходит его семантическая трансформация, представляющая для дальнейшего дискурса новые смысловые цепочки.

Однако прежде чем обратиться к новым, постнеклассическим трактовкам понятия “интерес”, следует бросить взгляд на историю его внедрения в науку, с тем чтобы отследить исторические корни и предпосылки зарождения тех или иных связанных с интересами концепций.

Категория интереса была выработана по мере развития социальной мысли для обозначения реальных причин общественных и индивидуальных действий. Однако понимание интереса в терминах социальной причинности сложилось задолго до момента возникновения социологии и далее постоянно уточнялось и углублялось. Поэтому представляется необходимым обратиться к теоретическому наследию научной мысли и систематизировать уже сделанные наработки в понимании изучаемой категории, что поможет прояснить генезис ее существенных характеристик и дает возможность, отсеяв разного рода идеологические наслоения, объективно взглянуть на данный феномен.

Первые догадки об интересе как движущей силе развития общества и человека можно найти как у философов античности, так и у древнекитайских и древнеиндийских мыслителей, что указывает на закономерность его присутствия в любой из категориальных схем мирообъяснения.

Продолжительное время интересы связывали, а порой и отождествляли с нуждами и потребностями, причем интерес рассматривался как фактор, порождаемый в большей степени необходимостью и нуждой, продиктованными обстоятельствами, чем желанием, разумом или волей. Кроме того, с формированием государства обществоведы стали обращать внимание на противоречивость интересов различных социальных слоев и на необходимость сопоставления высших и низших интересов.

Приоритет в подобной постановке проблемы принадлежит Демокриту, который в труде “Малый диакосмос” впервые высказывает мысль о том, что движущей силой человеческой истории была нужда, под которой он понимал материальные потребности и интересы людей. Нужда как движущий фактор развития рассматривается также Аристотелем в труде “Политика”: “Люди ведут такой образ жизни, какой их вести заставляет нужда” [3, с. 21]. Несколько забегаая наперед, отметим, что наиболее подробно направляю-

щую и детерминирующую силу интереса как нужды характеризует в поэме “О природе вещей” римский философ Тит Лукреций Кар.

Особое внимание древнегреческие авторы уделяли вопросам согласования противоречивых интересов в государстве. Тот же Демокрит делает вывод о том, что: “Интересы государства должно ставить выше всего прочего, и должно заботиться, чтобы оно хорошо управлялось. Чтобы содействовать этому, не следует бороться против справедливости и для своей [личной] пользы применять насилие против общего блага” [цит. по: 4, с. 318]. Платон в “Законах”, сопоставляя личные и государственные интересы, также отдавал предпочтение последним: “...истинное искусство государственного правления печется не о частных, но об общих интересах — ведь эта общность связывает, частные же интересы разрывают государство — и ... как для того, так и для другого, то есть для общего и для частного, полезно, если общее устроенно лучше, чем частное” [5, с. 332].

Говоря о примате государственных интересов над частными, Платон в то же время был убежден, что модель идеального государства, в котором бы на основах справедливости учитывалось неравенство людей в их природных задатках, строится исключительно на условиях согласования социальных интересов — стражи управляют, воины помогают, а дельцы подчиняются. Достичь же уровня такого совершенного государства, по мнению философа, можно лишь посредством отмены частной собственности.

В корне противоположную точку зрения на характер материальных интересов предлагает ученик Платона Аристотель, утверждая, что основная задача государства — охранять имущественные интересы граждан, а не уравнивать их. В государстве он видит разнородное множество составных частей и, соответственно, интересов составляющих его классов и групп: земледельцев, ремесленников, торговцев, наемных рабочих, военных и, наконец, должностных лиц и судей. Такое разделение труда представляется Аристотелю не результатом исторического процесса, а следствием “естественных влечений” и способностей людей, которые в своей совокупности задают формы общественного взаимодействия и государственные конституции.

Таким образом, Аристотель, сохраняя платоновское убеждение в приоритете интересов общества над личными интересами, вместе с тем большое значение придавал и интересам личности, ответственности государства перед гражданами. Источник общественного зла Аристотель видел не столько в частной собственности, сколько в беспредельности желаний человека и алчности, поэтому призывал “не столько уравнивать собственность, сколько устроить так, чтобы люди, от природы достойные, не желали иметь больше, а недостойные не имели такой возможности” [6, с. 75]. Тем самым “отец философии” провидчески указывал на социальную природу проблемы интересов и их регуляции, необходимость их осмысления с точки зрения социологии, этики и права.

В эллинистический период представители гедонистического направления (Аристипп, Эпикур) полагали, что интерес для человека представляет все то, что приносит ему удовольствие и избавляет от страданий. Причем этот интерес основывается на субъективном представлении о счастье на основании полученного опыта. В отличие от Аристотеля, лидер гедонистов Эпикур рассматривал общественный союз не как высшую цель, а как средство для личного благополучия граждан. Все общественные связи и отноше-

ния людей он выводил из субъективных желаний и рациональных соображений пользы и удовольствия отдельных лиц. Но, несмотря на то, что удовольствие философ определял как высшее благо, он подчеркивал, что интерес к субъективному благу люди проявляют различными путями и в разной степени, что неминуемо сказывается не только позитивным, но и негативным образом. Заметной заслугой Эпикура и его последователей в разработке интереса как научной категории является “субъективизация” интереса, соотнесение его с конкретным индивидом наряду с помещением его в систему нравственно-эстетических оценочных координат (хорошо — плохо, красиво — безобразно и т. п.). На этой основе Эпикур разделял стремления на “низшие” и “высшие” и, как многие древнегреческие философы, обращался к идеалу меры, разумного ограничения своих страстей и удовольствий ради всеобщего блага.

Согласно его учению, лучшим средством достичь наслаждения и избавиться от страдания является уход от тревог и опасностей, порождаемых участием в общественных и государственных делах. Таким образом, то, что Эпикур называл “прожить незаметно”, скорее всего, выглядит не как преследование своих частных интересов, а как невмешательство в интересы государства и власть имущих.

Древний Рим унаследовал и переосмыслил большинство достижений древнегреческой культуры, и исследования интереса не стали в этом отношении исключением. Находясь под влиянием воззрений Платона и Аристотеля, древнеримский политик и философ Марк Тулий Цицерон определял государство как дело народа, понимая под ним многих людей, связанных между собой согласием в вопросах права и общностью интересов. Именно последняя, на его взгляд, формирует прочное и сильное государство, а “из различия интересов, когда одному подходит одно, а другому — другое, возникают раздоры” [7, с. 24]. С определенной точки зрения всю систему знаменитого римского права можно рассматривать как попытку систематизации и регулирования интересов, особенно если мы вспомним классическое: “кому выгодно?”, применительно к выявлению интересов, ставших основой мотива преступления. Показательно, что юридический аспект проблема интереса не утратила до сих пор: активно осуществляемые в последнее время попытки создания интегративного права (идеи социального превращения права и государства Л.Дюги, конституции и суверенитета государства К.Шмита, институциональная теория публичного права М.Ориу и т.д.), основанные на диалектике политики и права, предполагают в качестве неотъемлемой стороны триединства и интерес.

Обращение к категории интереса и особое внимание к ней можно встретить в трудах древнекитайских философов, ставивших во главу угла поиск идеала государственного устройства и гармонии общественных отношений. Ключевым для них становится вопрос согласования противоречивых взглядов, целей, интересов во имя всеобщего благоденствия.

Так, древнекитайский мыслитель Конфуций интересы народа провозглашал конечной и высшей целью государственного управления. Однако при этом был убежден, что самому народу его интересы непонятны, недоступны, и без опеки образованных управителей он обойтись не может: “Народ следует заставлять идти должным путем, но не нужно объяснять, почему” [8, с. 205]. Одной из важных основ социального порядка, по Конфуцию, было строгое

повиновение воле, слову, желанию старшего — как в пределах государства в целом, так и в рамках клана и семьи в частности. Рассматривая государство как большую семью, а семью — как малое государство, Конфуций призывал ставить интересы семьи намного выше интересов отдельной личности. Подобные взгляды касательно повиновения были направлены изначально на примирение противоречивых интересов и поддержание кастового строя в государстве закрытого типа, что было выгодно правящим кругам, а впоследствии вообще стали неотъемлемым элементом китайской культуры.

Иную позицию занимал решительный идейный противник конфуцианства Мо-цзы, который полагал, что первоначальным источником социального знания и управления следует считать факты, полученные в результате изучения ситуации, сложившейся в низах китайского общества, и призывал в управлении страной “исходить ... из интересов простолюдинов Поднебесной” [9, с. 277]. Причину постоянных междоусобных войн и бедствий он объясняет разделением людей на своих и чужих, близких и далеких, различием их интересов. Преодоление подобной “взаимной ненависти” Мо-цзы видел в росте морального сознания, воспитании способности “смотреть на чужие владения как на свои, смотреть на чужие дома как на свои, смотреть на других как на себя”, то есть сделать так, чтобы объединить частные интересы в единое целое [9, гл. 4, с. 274].

В дошедших до нас элементах учения Мо-цзы следует обратить внимание и на выявленную им связь интересов с активной преобразующей природой человеческой деятельности. В способности людей к сознательной деятельности он видел главное отличие человека от животных и условие изменения жизни самих людей.

Не обойдена вниманием проблема интереса и в философском наследии Индии. Так, в древнеиндийской философской литературе фигурирует термин “*purusartha*”, обозначающий направленность внимания на объект, интерес. Этот термин используется преимущественно во множественном числе в древнеиндийской философской традиции санхьи, отображая четырехуровневую систему жизненных интересов человека. Низшей ступенью иерархии интересов древнеиндийские философы считали достижение материальных благ и мирского успеха (“артха”). Затем следовали такие интересы, как услаждение чувственными удовольствиями преимущественно эротического и эстетического характера (“кама”). Если первые две ступени в большей степени отвечают материальным, эгоистическим интересам, то на высших ступенях находятся интересы духовного развития, проявляющиеся как стремление выполнять предписанные обрядовые и поведенческие нормы (“дхарма”), и интересы освобождения как прекращения страданий и одновременного достижения высшего просветления и блаженства (“мокша”).

Предложенная древнеиндийскими философами иерархия интересов, отражающая необходимость эстетико-нравственного совершенствования, смирения и религиозности, служила гармонизации личных и общественных интересов в условиях кастового социального устройства Индии. И сегодня такие идеи остаются актуальными, что ярче всего выражается в философском учении брахманистов. Согласно их взглядам, истинное действие движимо не эгоистической заинтересованностью, а поиском подлинного предназначения человека в мире и осознанием божественной природы все-

го сущего, что неизбежно обеспечивает единство реализации как частных, так и общественных интересов.

В отличие от философии Востока, западная античная философия со свойственным ей антропоцентризмом впервые отказалась от религиозно-этического понимания интересов.

Как видим, традиция использования категории “интерес” возникла аутентично в целом ряде протосоциологических концепций, хотя в каждом случае ее генезис проистекал из различных методологических начал (религиозно-этического — у древнеиндийских, прагматично-правового — у древнеримских, нравственного — у древнекитайских, государство- и антропоцентрического — у древнегреческих мыслителей).

Общим моментом здесь является обращение к понятию интереса как движущей силы человеческой деятельности и общественного развития. Хотя понимание философиями древности интереса как нужды и стремления к благу, удовольствию, счастью сложилось скорее как сумма высказываний, предположений и догадок, которые так и не оформились в завершённую теорию, тем не менее в своих интерпретациях они смогли выйти за рамки мифологического понимания причин человеческой деятельности, поставить человека и его интересы в центр внимания и, тем самым, задать направление дальнейшего изучения феномена интереса. Определяя характерные особенности общественных, личных и государственных интересов, философы впервые столкнулись с необходимостью их ранжирования, выявления приоритетов и поиска механизмов их согласования. Предлагая в целом наивные, с позиций сегодняшнего дня, модели идеальной, гармоничной общественной жизни, философы древности, однако, уловили характерное для их эпохи превалирование общественных интересов над частными и государственных — над личными, что отнюдь не исключает необходимости их согласования.

По сравнению с античностью, обществоведческая мысль Средневековья привнесла мало нового в понимание роли интересов в общественном развитии, определяя сущность интереса божественным замыслом и провидением. Подобная мировоззренческая установка служила церковной и светской власти идеальным средством удержания под контролем индивидуального интереса, который понимался, по большей части, как эгоизм и рассматривался как мощная и разрушительная сила. Подобные взгляды на природу интереса присутствовали у Августина, Фомы Аквинского, сторонников аверроизма и многих других христианских мыслителей Средневековья. Мотивируемый интересом субъект действия фактически элиминируется из сферы научного изучения и обращения, уступая место нормативной модели, построенной на теологическом представлении о том, как должно себя вести согласно канону вероучения. Поскольку судьба как отдельных индивидов, так и целых государств и народов всецело “в руке божией”, действие жизни разворачивается сугубо по божьему замыслу, недоступному рациональному познанию. Попытка обращения к интересу как целеорганизующему и мотивирующему началу выглядит ересью, посягательством на прерогативу божественной воли.

Схожей точки зрения в рамках философско-религиозной доктрины Востока придерживался один из самых известных мыслителей мусульманского средневековья Аль-Газали. Согласно его учению, божественный разум априорно задал человеку закономерный порядок, границы возможного

познания и поле интересов. В труде “Воскрешение наук о вере” иранский теолог отрицает возможность познания абсолютной истины, порядка вещей, человеческих интересов как проявлений божественного начала. Философ ислама полагал, что человек не в силах вырваться за рамки существующего круга отведенных ему путей, интересов, отрицать их или преобразовывать. Подобная потеря субъекта, нивелирование воли человека и утверждение божественной предопределенности получили законченное идейное выражение во взглядах на интерес у данного арабского мыслителя.

Теологическая трактовка интересов в XIV–XVI веках теряет свою актуальность в связи с требованиями новой эпохи, эпохи Возрождения, ценностями которой становятся свобода самовыражения, активная деятельность человека, уважение его прав, достоинств и интересов. Сам термин “интерес”, широко распространившись примерно с середины XV столетия, стал обозначать основополагающие силы, которые мотивируют или должны мотивировать человеческие действия, но, как и многие другие термины, не вышедшие за рамки обыденного языка, не приобрел строгого определения.

Особо заметную роль в переосмыслении интереса с позиций ренессансного мышления сыграл итальянский мыслитель, историк и государственный деятель Никколо Макиавелли, который заложил основы новой политико-правовой идеологии, свободной от теологии и основанной на изучении политических интересов как стремлений участников политической жизни. Макиавелли в своей известной книге “Государь” указывает, что интерес является наиболее общей причиной человеческих действий, из которых складываются социальные отношения, институты, история. Средневековую концепцию божественного предопределения он заменяет идеей фортуны как силы обстоятельств, с которыми неизбежно приходится считаться. Но, по его мнению, фортуна не властна над людьми в полной мере и может быть изменена по мере реализации их интересов за счет воли, способностей и талантов.

Размышляя об интересах человека, он писал: “Природа создала людей таким образом, что люди могут желать всего, но не могут всего достигнуть. Преследуя, прежде всего, эгоистические интересы, они беспокойны, честолюбивы, подозрительны и никогда не довольствуются тем, что имеют” [10, с. 170]. Дурные человеческие склонности и поступки Макиавелли объясняет не только биологической природой человека, но и особенностями государственного правления. Так, тирания, ставя индивидуальный интерес выше общественного, стимулирует худшие из человеческих страстей: жажду господства, взаимную ненависть правителей и угнетенных, склонность к заговорам, смутам.

Начав с рассуждений о природе человека, Макиавелли делает шаг вперед в направлении анализа природы целых социальных групп и политических структур. Он рассматривает их наподобие живых организмов со свойственными им интересами и волей. Поэтому он склонен давать социально-политические характеристики не только человеку, будь то правитель или подданный, но и социальным группам — аристократам, дворянам, плебеям, народу — и даже таким структурам, как государство, общество.

Социальные слои и группы он делит главным образом по признаку богатства и участия в политической власти. У Макиавелли впервые появляется мысль об основной роли материальных интересов в столкновениях различ-

ных социальных сил, что составляет основу всех политических, а следовательно, и исторических событий. Так, правитель, дворянство и народ как три основных компонента политической власти располагают различными возможностями и играют в зависимости от этого различную роль на политической арене. Все они представляют собой активные силы, и каждый из них обнаруживает свои интересы, страсти, волю, направленные в первую очередь на расширение своей доли участия во власти или на высвобождение от господства. Так, интерес государя состоит в усилении своей власти над подданными, расширении своих завоеваний, интересы аристократов — в большем господстве над народом, а народные — в стремлении освободиться от чрезмерной власти над ним.

Особенность взглядов Н.Макиавелли на интерес — в том, что он впервые рассматривает республику как результат и средство согласования стремлений и интересов борющихся социальных групп. “...В каждой республике имеются два различных умонастроения — народное и дворянское”, — пишет Макиавелли. И далее: “...все законы, принимавшиеся во имя свободы, порождались разногласиями между народом и грандами” [10, с. 133]. В республике гармонично согласуются личные и государственные интересы: “...все граждане, соревнуясь друг с другом, заботятся как о частных, так и об общественных интересах, и ... их благосостояние на диво растет” [10, с. 195].

Для объяснения приоритета общественных интересов над личными Макиавелли вводит понятие “государственный интерес” как выражение права государства во имя всеобщего блага не следовать, если этого требует необходимость, законам, которые оно же призвано гарантировать. Глубоко анализируя политическое устройство современной ему Италии, выдвигая ряд глубоких социологических и политологических идей относительно роли интереса в жизни общества и отдельной личности, Макиавелли впервые выделяет материальный интерес социальной группы, политический и государственный интересы, определяет потенциал и реальную силу личного интереса в сфере политики. Кроме того, он впервые рассматривает политические интересы различных социальных групп, ранжирует их и приходит к пониманию второстепенной роли интересов народа в общей системе управления государством. Его взгляды существенно обогатили теорию интереса и по сегодняшний день остаются актуальными при анализе сложной динамики политической жизни.

Великий немецкий гуманист Эразм Роттердамский также обращался к теме интересов. В произведении “Похвала глупости” со свойственной ему иронией все многообразие человеческих интересов он объясняет страстями, желаниями и стремлением к счастью как принципу жизни, указывая на их примат над рассудком. Поэтому, по его мнению, именно глупость, как следование частным эгоистическим интересам, выступает в качестве движущей силы социального развития. На его взгляд, ни одно государство не приняло законы Платона или наставления Сократа, т.к. только естественные интересы образуют общественные учреждения: “Глупость создает государства, поддерживает власть, религию, управление и суд” [11, с. 85].

Именно превалирование личных интересов вкупе с разнородностью интересов различных сословий немецкого общества рассматривались Эразмом Роттердамским в качестве причины того хаоса, который переживало немецкое общество в XV веке. Критикуя представителей различных сосло-

вий, он призывал каждого гражданина, от простолюдина до государя, думать и об общем благе. В этой взаимосвязи на первое место Эразм ставил интересы народа, которые государь должен удовлетворять: “Кто взял в свои руки кормило правления, тот обязан помышлять лишь об общественных, а отнюдь не о частных своих делах” [11, с. 161].

Таким образом, взгляды Эразма очень близки к эвдемонистическим учениям античности, согласно которым в самой человеческой природе заложено естественное стремление к благу. Не удивительно, что аскеза схоластической мудрости Средневековья виделась ему пагубной и неблагоприятной ни для деятельности, ни для счастья.

В принципе не новая идея определяющей роли страстей в формировании частных интересов у Эразма Роттердамского становится ключевой, а сам частный интерес определяется как важнейший стимул любой деятельности, что в определенной степени предвосхищает теории интереса материалистов XVIII века (например, учение Гельвеция о творческой роли страстей).

Несмотря на то, что творческое наследие философов эпохи Возрождения не свободно от противоречий, их видение общественного развития в новых социально-экономических и политических условиях склонялось к необходимости отказа от теологического мировоззрения и рассмотрению именно человеческих интересов как определяющих механизмов социального взаимодействия. Философы эпохи Возрождения впервые предпринимают попытки объяснить ход истории столкновением интересов различных социальных групп, выявляют роль материальных, политических и государственных интересов в жизни общества и их особенности, стремятся найти механизмы их согласования. Такие взгляды на интерес как определяющий механизм социального взаимодействия иницируют научную традицию рассмотрения потребностей и нужд социального субъекта сквозь призму его общественного положения и связанных с ним возможностей, получившую дальнейшее развитие в трудах философов Нового времени.

Если в эпоху Возрождения интерес уже определяли, исходя из человеческой природы, то в Новое время, используя методы естествознания, мыслители пытаются классифицировать и истолковать основные черты интереса, его виды, особенности и механизмы реализации. Любопытно, в частности, проследить, как анализируют феномен интереса представители двух крупных течений: эмпиризма и рационализма, по-разному трактовавшие природу человеческого знания.

Так, сторонники эмпиризма (Т.Гоббс, Дж.Локк, Д.Юм) утверждали, что интерес формируется на основе опыта человека и определяется ощущениями, страстями, аффектами.

В трактате “Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского” Т.Гоббс отождествляет страсть и интерес в рамках субъективного представления человека о “дobre”, вытекающего из полученного жизненного опыта. Гоббс видел человека эгоистом, который действует только во имя любви к себе и ради удовлетворения своих интересов-страстей. Даже в том случае, когда его эгоистические интересы-страсти противостоят объективному представлению о добре и справедливости, обычаям и нравам общества, человек “в большинстве случаев отдает предпочтение своим интересам, ибо страсти людей обычно бывают сильнее их разума” [12, с. 146].

В преследовании своих интересов при игнорировании интересов других, особенно в государственном управлении, Т.Гоббс видит основную причину социальной несправедливости, когда истиной в государстве признается лишь то, что отражает интересы власть имущих: “Я не сомневаюсь, что если бы истина, что три угла треугольника равны двум углам квадрата, противоречила чьему-либо праву на власть или интересам тех, кто уже владеет властью, геометрическое учение было бы если не противоречивым, то вытесненным сжиганием всех книг по геометрии” [12, с. 79].

Дж.Локк в оценке общественных явлений также исходил из эгоистических частных интересов индивидов, особенно материальных. На его взгляд, законы в государстве будут соблюдаться только тогда, когда есть возможность реализации интересов каждого при соблюдении свободы и частных интересов всех остальных. Так, в труде “Два трактата о государственном правлении” Локк усматривает цель государства в охране собственности и обеспечении гражданских интересов, а средствами осуществления данной цели полагает законность, разделение властей, оптимальную для нации форму правления, право народа на восстание.

Его соотечественник Д.Юм считал, что поведение граждан в государстве мотивируется определенным аффектом, под которым он понимает интерес. На его взгляд, конкретный интерес лежит в основе выполнения взаимных обещаний, что позволяет сформировать у сторон нравственное чувство и обеспечить законность в государстве.

Заслуживают внимания размышления Юма о характере взаимосвязи общего и частного интереса. Мыслитель сопоставляет интерес “ограниченного” круга лиц, которые сотрудничают потому, что способны распознать общую цель, с интересом, распространяющимся на множество индивидов, которые не в состоянии реально уловить значимость общего интереса. Таким образом, невозможность отделить индивидуальный интерес от общественного, трудность выделения объективного интереса исходя из интереса субъективного станет одним из основных положений утилитаристской теории.

Представители рационализма, в свою очередь, пытались определить формирование интереса на основании разума, давали иную трактовку природы интереса.

Так, Б.Спиноза утверждал, что, познавая при помощи разума свои склонности и задатки, человек начинает понимать свои интересы и, следовательно, искать способы их удовлетворения. Сам процесс рационального познания врожденных способностей и их реализация приносят удовольствие и, потому, должен стать целью человеческой жизни. Человек, согласно Спинозе, всегда отстаивает свои интересы “с величайшим жаром... чужой же интерес защищает лишь постольку, поскольку рассчитывает тем самым упрочить свой собственный” [13, с. 282]. Размышляя об обществе, философ указывает на неизбежность человеческих пороков и мудрость политика видит в умении учесть все разнообразие и противоречивость людских интересов, в способности поставить общее благо превыше частного и заставить граждан даже против их воли руководствоваться разумом.

Таким образом, для философов Нового времени особо значим был вопрос поиска путей и механизмов согласования интересов в построении гражданского общества. Их представления, догадки и высказывания об интересе не оформились в сколько-нибудь законченную теорию и оставались

еще далеки от научного понимания изучаемого феномена. Однако именно в эпоху Нового времени закладывается понимание значения как рационального, так и иррационального моментов в формировании частного интереса, что по нынешний день остается актуальным при изучении данной проблематики. Выдвигаются идеи о рациональном самопознании индивидом собственных интересов и об ограниченности данного самопознания. Совершается попытка вывести нравственный идеал из гармоничного согласования частных и общих интересов. Кроме того, философы впервые начинают говорить о групповых интересах, усматривают причины несоответствия частных и групповых интересов с общественными интересами в отсутствии у субъектов способности ухватывать и распознавать общую цель. Развивая эту мысль, мы неизбежно приходим к выводу о существовании такой цели и диктующего ее интереса, что вплотную подводит к проблеме надындивидуального субъекта и методологии ее познания. Подобные выводы также приобретают большое значение в политико-прикладном смысле, так как определяют необходимость поиска всеобщей скрытой цели для компромиссного согласования интересов различных субъектов социального взаимодействия.

Однако в работах и сенсуалистов, и рационалистов тезис о гармонизации интересов человека и общества остается лишь благим пожеланием, поскольку природа интереса в обоих случаях выводится сугубо из природы индивида. И лишь когда французские материалисты XVIII века (П.Гольбах, К.Гельвеций, Д.Дидро, Ж.-Ж.Руссо) начали рассматривать человека как “социальный атом”, приводимый в движение интересом, подобно тому, как физический атом приводится в движение силами притяжения и отталкивания, это позволило придать интересу черты социологической категории.

Так, французский философ-материалист П.Гольбах определял интерес как единственный мотив человеческих действий. На его взгляд, “интересом называют объект, с которым каждый человек связывает — в зависимости от своего темперамента и своих идей — представление о своем счастье, иначе говоря, интерес — это попросту то, что каждый из нас считает необходимым для своего счастья” [14, с. 311].

Основу интереса, по мнению П.Гольбаха, составляет физическая чувствительность, которая в отношении к среде рождает специфический мотив деятельности — интерес. При этом интерес человека, отмечает П.Гольбах, зависит от его природной организации, от его потребностей, усвоенных идей и привычек. Иначе говоря, Гольбах акцентирует внимание на социализации как механизме становления интереса личности.

Пожалуй, наиболее фундаментальную по сравнению с другими философами-материалистами XVIII века попытку проанализировать общественную жизнь на основе интересов предпринял К.Гельвеций. В работе “Об уме” он формулирует закон интереса, предпринимая тем самым существенный шаг в направлении создания теории интереса: “Если мир физический подчинен закону движения, то мир духовный не менее подчинен закону интереса. На земле интерес есть всесильный волшебник, изменяющий в глазах всех существ вид всякого предмета” [15, с. 186]. На основе этой посылки Гельвеций делает вывод, что “интерес есть мера человеческих поступков” [15, с. 343].

Как и Гольбах, Гельвеций в определении природы интереса исходил из приоритета физической чувственности. Развивая эту идею, философ приходит к следующему пониманию структуры общественного интереса: “...из

всех интересов частных лиц образовался общий интерес, на основании которого и были даны различным поступкам названия справедливых, дозволенных, и несправедливых в зависимости от того, были ли они полезны, безразличны или вредны для общества” [15, с. 343].

К.Гельвеций определял все человеческие интересы и порождаемые ими изменения как производные от естественных потребностей, в основном от потребности в пище и любви. Однако подобное понимание социальной причинности, на наш взгляд, представляется слишком упрощенным, хотя бы потому, что потребности в пропитании и любви остаются неизменными, а нравы, обычаи, общественное устройство постоянно видоизменяются.

Несмотря на то, что интерес философ объяснял субъективной физической чувствительностью, он видел в нем социальный продукт, как, например, усвоенные человеком мысли, ориентации, предпочтения. Это положение отличало теорию интереса Гельвеция от взглядов других французских философов-материалистов XVIII века, согласно которым любой интерес является биологически обусловленной, постоянной величиной, не подверженной динамике.

Гельвеций, как и прочие его современники, при рассмотрении существующего противоречия между частными и общими интересами был убежден в превалирующей роли частных интересов. Он указывал на частный интерес как на творческое начало, неограниченный источник деятельности человека, хотя наряду с положительными признавал также и отрицательные последствия такого рода деятельности. В поисках компромисса Гельвеций пришел к выводу, что соответствие личного и общественного интересов выступает высшим критерием правильности человеческого поведения в обществе, а их одновременное совпадение — доказательством и основным показателем совершенства общественной организации.

Достичь такого соответствия, по его мнению, можно при условии, если законы страны предполагают совпадение выгоды и личных интересов индивида с общественными интересами. В свою очередь, путем просвещения можно добиться такого положения, когда личными интересами становятся не только индивидуальные, но и общественные интересы.

Изложенные выше взгляды на природу интереса П.Гольбаха и К.Гельвеция носят в целом идеалистический характер в силу того, что объективно существующие интересы выводятся не из сложившейся в обществе системы отношений, а из основанных на стремлении к собственному благу субъективных представлений людей о них. Лишь в философии Д.Дидро можно увидеть первые попытки материалистического понимания природы интересов: “Когда говорят об интересе индивида, сословия, нации — “мой интерес”, “интерес государства”, “его интерес”, “их интерес” — это слово означает нечто нужное или полезное для государства, для лица, для меня и т. п.” [16, с. 352]. По мнению философа, общественному интересу в отличие от частного не свойственно ошибаться, лишь он может выступать настоящей основой человеческого счастья, поэтому именно общественный интерес, по мнению Д.Дидро, должен стать основой справедливости и добродетели.

Другой философ эпохи Просвещения Ж.-Ж.Руссо в работе “Об общественном договоре, или Принципы политического права” более детально анализирует характер взаимосвязи личного и общего интереса в построении гражданского общества. Исходным для его учения является постулат о том,

что политическое мнение человека определяется собственным интересом: “...каждому индивидууму по вкусу лишь такая цель управления, которая отвечает его частным интересам” [17, с. 232]. Однако собственный интерес, по мнению Ж.-Ж.Руссо, состоит из двух частей, одна из которых специфична для индивида, тогда как другая является общей для всех членов общества. Если между гражданами нет возможности осуществления взаимовыгодной сделки, их индивидуальные разнонаправленные интересы уничтожаются, и остается результирующий интерес, который будет представлять их общие интересы. Руссо писал, что “согласие всех интересов возникает вследствие противоположности их интересу каждого. Не будь различны интересы, едва ли можно было бы понять, что такое интерес общий, который тогда не встречал бы никакого противодействия” [17, с. 219]. Этот результирующий интерес воплощается у Ж.-Ж. Руссо во всеобщей воле.

Как и другие французские материалисты XVIII века, Ж.-Ж.Руссо отдает предпочтение гармоничному согласованию частных и общественных интересов, а наиболее приемлемой формой правления называет республику. Здесь его взгляды сходны с политическими воззрениями Н.Макиавелли. Однако, как замечает Руссо, реализации всеобщего интереса в республике мешают сложившиеся в государстве противоречивые интересы соподчиненных ассоциаций. Поскольку нельзя запретить ассоциации, такие как церковь, политические партии, профсоюзы, а также другие организации людей с близкими экономическими интересами, Руссо говорит о необходимости как можно большего расширения круга ассоциаций с их противостоянием для взаимной нейтрализации их частных интересов. Таким образом, он предвосхищает такое важное современное направление исследования интересов, как изучение их взаимосвязи с институциональной структурой общества.

Следует отметить, что идеи французских философов-материалистов XVIII века во многом предопределили ход дальнейших исследований проблемы интересов. Выделение широкого спектра интересов — от индивидуального до всеобщего, перманентность мотивирующей роли интереса, взаимосвязь интересов и общественной структуры, личность с ее интересами как центральное звено общественного развития — таковы принципиальные моменты их обществоведческих концепций. К числу особо существенных достижений французских материалистов следует отнести также объяснение этических проблем на основании интересов, что впоследствии определило возникновение теории “разумного эгоизма”, которая при всех своих недостатках являлась попыткой материалистического объяснения происхождения и сущности морали.

В чем-то такие постулаты глубоко верны, в чем-то — наивны (особенно в вопросах биологической предопределенности частного интереса), но так или иначе они не могли не привлечь внимания последующих исследователей. Закономерно, что с критикой сенсуалистской трактовки природы интереса выступили представители классической немецкой философии, предлагая одновременно свое понимание данного явления.

Так, И.Кант в “Критике практического разума” выступает против определения французскими материалистами физической чувственности как определяющей основы интересов. На его взгляд, человеку как общественному существу в отличие от животных свойственно благодаря чувственно незаинтересованному разуму совершать моральные поступки, противореча-

щие его желаниям и интересам: “Из понятия мотива возникает понятие интереса, который приписывается только существу, обладающему разумом, и означает мотив воли, поскольку он представляется через разум” [18, т. 4, ч. 1, с. 306]. Определению интереса как себялюбия и стремления к чувственному удовольствию И.Кант противопоставляет понимание интереса как деятельности разума в ответ на побуждение. Для Канта интерес — это “то, благодаря чему ум становится практическим, т. е. становится причиной, которая определяет волю. Поэтому лишь об умном существе говорят, что оно проявляет к чему-либо интерес; существа, лишённые ума, имеют лишь чувственные побуждения” [18, т. 4, ч. 1, с. 306]. Подобным образом Кант впервые разделяет понятия потребности и интереса, подчеркивая, что интересом обладает только человек как мыслящее существо.

Без интереса, по Канту, не мыслится какая-либо деятельность разума: “Каждой способности души можно приписать интерес, т. е. принцип, содержащий в себе условие, при котором только и может быть успешным применение этой способности” [19, с. 224].

Выделяя практический разум и спекулятивный, соответствующие им интересы Кант объясняет следующим образом: “Разум как способность [давать] принципы определяет интерес всех душевных сил, а также и свой собственный интерес. Интерес его спекулятивного применения состоит в познании объекта вплоть до высших априорных принципов; интерес практического применения — в определении воли в отношении конечной и полной цели. То, что требуется для возможности применения разума вообще, а именно чтобы принципы и утверждения его не противоречили друг другу, не составляет части его интереса; оно есть вообще условие обладания разумом; только расширение [разума], а не просто соответствие [его] с самим собой мы относим к его интересу” [19, с. 224].

Весомым вкладом И.Канта в теорию интереса послужило определение им нравственного интереса, который он характеризует следующим образом: “...моральный интерес есть чистый, свободный от чувственности интерес только практического разума” [18, т. 4, ч. 1, с. 306]. Именно нравственный интерес, по мнению философа, делает людей социальными индивидами, способными согласовывать в себе частные и общественные интересы, быть активными гражданами. Подобное понимание привело Канта к отделению нравственных интересов от материальных.

Таким образом, в отличие от французских материалистов классик немецкой философии называет интерес важнейшим стимулом поведения человека как разумного существа. Подобный взгляд сделал возможным разделение понятий потребности и интереса, выявление нравственного интереса, а также объяснение связи интереса с необходимостью. Однако объяснение объективной стороны интереса через априорный категорический императив представлялось сомнительным и впоследствии подверглось критике в работах Г.Гегеля.

Несмотря на то, что ранняя философия Гегеля находилась под сильным влиянием французских просветителей, впоследствии вслед за Кантом он отвергает сенсуалистскую трактовку интересов, подчеркивая несводимость их к чувственности и естественной природе человека. Однако, на его взгляд, говоря о связи между интересом и необходимостью, Кант не дает конкретного объяснения необходимости и не отвечает “на вопрос о содержании

воли или практического разума. Если же говорить, что человек должен сделать содержанием своей воли добро, то тотчас же снова возникает вопрос о содержании этого содержания, т. е. о его определенности; одним лишь принципом согласия воли самим с собой, ровно как и одним лишь требованием исполнить долг ради самого долга, мы не сдвинемся с места” [20, т. 1, с. 107].

Исследуя проблемы права, нравственности, гражданского общества, Г.Гегель определяет человеческие интересы как основную движущую силу и на этой основе развивает свою диалектическую теорию социального развития: “Ближайшее рассмотрение истории убеждает нас в том, что действия людей вытекают из их потребностей, их страстей, их интересов, и лишь они играют главную роль” [21, с. 73].

Согласно Гегелю, интерес есть нечто большее, чем содержание тех влечений и намерений, на удовлетворение которых направлена деятельность; это своеобразный “остаток”, наблюдаемый в результатах деятельности как проявление абсолютной идеи. Следовательно, формирование общественного интереса философ видит в том, что люди “добиваются удовлетворения своих интересов, но благодаря этому осуществляется еще и нечто дальнейшее, нечто такое, что скрыто содержится в них, но не осознавалось ими и не входило в их намерения” [21, с. 79–80]. Подобный переход субъективного в объективное в человеческой деятельности, согласно Гегелю, делает возможным формирование объективного интереса.

Так, носителем общественного интереса Г.Гегель определяет государство, поскольку именно в нем многообразии конкретных интересов индивидов приобретает общие черты. На его взгляд, общественный интерес отделяется от общества, становится интересом идеи и проявляет себя “через естественную необходимость... и произвол потребностей” [20, т. 3, с. 215]. Само же столкновение и борьба частных интересов различных субъектов, по мнению философа, порождает свободу как необходимое условие формирования гражданского общества.

Помимо определения ведущей роли интересов в историческом развитии и описания механизма формирования общественного интереса, весомым вкладом Г.Гегеля в теорию интереса стало определение цели деятельности, без которой не мыслится интерес: “Я не только волит, но волит нечто. Воля, которая... волит лишь абстрактно вообще, ничего не волит, и не есть поэтому воля” [20, т. 7, с. 37]. Сама же воля, по Гегелю, как форма существования абсолютной идеи является связующим звеном между потребностями и интересами.

Таким образом, Г.Гегель в “Философии духа” формулирует ряд глубоких мыслей о взаимосвязи интереса и необходимости, объясняет социальное развитие с помощью категории интереса, глубоко анализирует субъективную сторону интереса, выделяет цель как его составляющую, через абсолютную идею трактует появление общественных интересов и указывает на явную противоречивость интересов различных субъектов буржуазного общества. Тем самым он в большей степени, чем кто-либо из его предшественников, приблизился к социологическому пониманию интересов.

Однако, заложив серьезную теоретическую базу изучения феномена интереса, Гегель не сумел выйти за пределы метафизического понимания социальных интересов, связывая процесс их формирования с божественным провидением, или с абсолютным духом как некой хитростью мирового разума.

Л.Фейербах, критикуя абстрактный характер гегелевской теории интереса, определяющую роль в формировании интереса отдает не абсолютному духу, а природе и человеку в ней. Рассматривая человека как часть природы, не противопоставляя их друг другу, Л.Фейербах утверждает, что в основе человеческого интереса лежит: "...влечение и удовольствие наблюдать и исследовать природу, поэтому... и познание ее становится его высшим интересом" [22, т. 2, с. 818].

Антропологический материализм Л.Фейербаха строится на материалистическом понимании характера интересов: "Чем ближе для меня объект, чем больше связан он со мной, с моими личными интересами, с моим существом, тем заинтересованнее, тем эгоистичнее и мое знание, мое представление, мое ощущение, тем неотделимее оно от меня и, следовательно, тем субъективнее... Восприятия же предметов, от нас удаленных, то есть с которыми нас не связывает непосредственный жизненный интерес, свободны, другими словами, это объективные, познавательные восприятия или, вернее, представления в собственном смысле" [22, т. 2, с. 820].

Таким образом, Фейербах приходит к выводу, что интерес порождается объектами материального мира, отраженными в человеческом сознании и становится жизненно важным стимулом человеческой деятельности. Основное отличие человека от животного Л.Фейербах усматривает в наличии у людей особого религиозного интереса, который является универсальной формой связи их между собой, поскольку основан на взаимном стремлении к счастью по формуле "человек человеку Бог". Как видно, в центр религиозного интереса Л.Фейербах ставит не Бога как абстрактный дух, а человека как божественную сущность. Обожествляя человека, Фейербах писал, что "почитание богов в их духе и соответственно их интересам есть в то же время и почитание в духе человека и соответственно его интересам" [22, т. 2, с. 822].

Наивысшим интересом в государстве Фейербах считает политический интерес. Он пишет, что "мы живем в такое время, когда политический интерес поглощает собой все остальные, и политические события держат нас в непосредственном напряжении и возбуждении" [22, т.2, с. 493].

Основная заслуга Л. Фейербаха в разработке теории интереса заключается в том, что он впервые определяет материалистическую природу интереса, устанавливает связь между интересом и властью и выделяет лидирующую позицию политических интересов в государстве. Однако Фейербах не дает объяснения многообразию интересов различных социальных групп буржуазного общества.

Таким образом, классики немецкой философии существенно обогатили теорию интереса новыми идеями. Они впервые определяют интерес как проявление деятельности разума, отделяя его тем самым от потребности, в структуре интереса выделяют цель, глубоко анализируют субъективную сторону интереса, дают характеристику нравственным и политическим интересам, выявляют характерные черты общественного интереса и предлагают видение механизмов его формирования.

Однако определение классиками немецкой философии интересов как фактов сознания и воли человека без учета социальной практики и механизмов общественно-исторического развития указывает на ограниченный характер рассмотрения изучаемого явления. Нашей задачей, впрочем, являлась не критика теорий, ставших достоянием истории науки, а отслежива-

ние особенностей теоретических дискурсов, сменяющих друг друга по мере переосмысления содержания категории интереса в процессе ее становления и функционирования в рамках ряда протосоциологических научных парадигм. Представляется, что накопленное веками богатство наработанных различными отраслями человекознания и обществоведения в период *до* собственно социологического познания идей в отношении сущности, функций и механизмов интереса (которые мы попытались в определенной степени систематизировать) все еще остается не востребуемым в полной мере.

Подытоживая, выделим основные этапы смысловой трансформации категории “интерес”, характерные для протосоциологического периода ее изучения.

1. Постановка проблемы в философских учениях древнего мира. Начиная с VI в. до н.э. мыслители Древнего Китая, Древней Индии, философы Античности заложили фундамент изучения понятия интереса, изначально применяемого для обозначения системы заданных внешними обстоятельствами стремлений и нужд, а впоследствии трактуемого как субъективное представление о счастье, удовольствии, избавлении от страданий. Подобное толкование применялось как к человеку, так и к обществу, государству, что впоследствии привело к необходимости поиска оптимальной модели согласования интересов различных субъектов взаимодействия.

В русле богатого идейного наследия античной философии впервые появляется собственно термин “интерес” (от лат. *interest* — иметь значение, важно), который в трудах Демокрита, Платона, Аристотеля, Сократа, Эпикура обретает широкие содержательные связи с проблематикой права, морали, политологии, политэкономии, психологии и социологии.

2. Возрождение интереса к “интересу”. В период “темных веков” обществоведческая мысль в силу свойственного этой эпохе господства религиозного мировоззрения, обращаясь к интересующей нас теме в ином ключе, чем мыслители античности, определяла характер человеческих интересов божественным замыслом, провидением. Внимание к проблеме интереса как антропологического фактора социальной причинности вновь пробуждается в связи с распространением идей эпохи Возрождения в русле гуманизма и развития научного познания. С позиций ренессансного мышления специфика интересов объясняется, с одной стороны, эгоистической природой человека, а с другой — особенностями государственного устройства. Благодаря трудам Н.Макиавелли, Эразма Роттердамского был сделан важный шаг в направлении анализа интересов социальных групп и политических структур, изучения, в соответствии с запросами времени, механизмов согласования и противостояния материальных и политических интересов в масштабах государства.

3. Психологизация интереса. Если на заре эпохи Возрождения тезис о человеческой природе интересов был нов и революционен, то для мыслителей Нового времени интерес как свойство человеческой природы — уже непреложный факт. При этом актуализировался вопрос классификации и систематизации основных особенностей и механизмов реализации интереса. В современном подходе отчасти нашли отражение успехи применения эмпирических методов в естествознании. Сторонники эмпиризма (Т.Гоббс, Дж.Локк, Д.Юм) выводили интерес из опыта, страстей и аффектов человека. Поэтому совпадение частных и общих интересов и возможность реали-

зации материальных интересов каждого субъекта представлялись философам необходимым условием утверждения общественной справедливости и фундаментом гражданского общества. В свою очередь, представители рационализма (Р.Декарт, Б.Спиноза) трактовали интерес как проявление деятельности разума, поэтому, говоря о построении гражданского общества, указывали на необходимость рационального учета всего разнообразия и противоречивости людских интересов, подчеркивали приоритет общего интереса над частным.

4. Социологизация интереса. Черты социологической категории интерес начинает приобретать, когда в трудах французских материалистов XVIII в. (П.Гольбах, К.Гельвеций, Д.Дидро, Ж.-Ж.Руссо) человек начинает трактовать как “социальный атом”, приводимый в движение интересом. Общественный интерес выступает не просто механической суммой всех индивидуальных интересов, а неким “результатирующим” интересом как следствием взаимопогашения или взаимоусиления частных интересов, что отвечает общепризнанному представлению о благоразумном, должном.

Справедливо критикуя концепцию “результатирующего” интереса за излишний субъективизм и упрощенное понимание сложных многоуровневых механизмов социального взаимодействия, классики немецкой философии первоочередное значение придают той свободной от субъективизма составляющей интереса, которая метафизически представлена у И.Канта в виде категорического императива, а у Г.Гегеля — как проявление абсолютной идеи. Далее других в осознании социогенной сущности интересов продвинулся Л.Фейербах, трактовавший субъективный интерес как положительно окрашенное отражение в сознании значимых объектов, а общественный интерес — как сумму субъективных интересов, представляющих коллективное стремление к свободе и счастью, реализуемое через познание социальной реальности.

Таким образом, богатое идейное наследие, которое мы попытались проанализировать в настоящей работе, в своей совокупности сформировало предпосылки для перехода интереса из разряда понятий в разряд научных категорий еще в протосоциологический период, поскольку уже в первой половине XIX века интерес рассматривался как сложное, синтетическое и многоуровневое явление, а его научное описание определяло представления о механизмах общественного взаимодействия. Категория интереса аккумулировала в себе, помимо социологического содержания, раскрываемого в целом ряде теоретических конструктов и производных понятий, аспекты, относящиеся к ведению других общественных дисциплин — психологии, политэкономии, права, этики, политологии, теории управления и др.

Дальнейшее собственно социологическое исследование происходило в рамках специализированных теорий К.Маркса, Г.Зиммеля, М.Вебера и ряда других исследователей. Однако каждый из теоретиков в какой-то мере абсолютизировал те свойства интереса, которые представлялись ему ведущими, наиболее существенными, обедняя функциональную палитру данной категории. Нам представляется, что современная задача социологической теории в отношении категории “интерес” как важнейшего элемента понятийно-категориального аппарата социологии состоит в воссоздании целостного междисциплинарного подхода, укрупнения и масштаба видения проблемы. Одновременно нельзя упускать из виду те отдельные находки

ученых прошлого, современная разработка которых способствует приросту нового знания. Представляется, что обобщенный обзор становления категории интереса в рамках протосоциологии, а также сформировавшихся в этот период эпистемологических традиций необходим для дальнейшего поиска новых направлений изучения данной проблемы.

Литература

1. *Сорокин П.А.* Система социологии : В 2-х т. — М., 1993.— Т.1.
2. *Соболева Н.И.* Соціологія суб'єктивної реальності. — К., 2002. — С. 124.
3. *Аристотель.* Политика. — СПб., 1911.
4. *Маковельский А.О.* Древнегреческие атомисты. — Баку, 1946.
5. *Платон.* Законы / Под ред. А.Ф.Лосева, В.Ф.Асмуса, А.А.Тахо-Годи. — М., 1999.
6. *Аристотель.* Политика. Афинская полития. — М., 1997.
7. *Цицерон М.* Диалоги. — М., 1994.
8. *Беседы и суждения Конфуция.* — СПб., 1999.
9. *Мо-цзы.* Трактат учителя Мо. — М., 1981.
10. *Макиавелли Н.* Государь : Сочинения. — Харьков, 2001.
11. *Эразм Роттердамский.* Похвала глупости. — М., 1983.
12. *Гоббс Т.* Основы философии : Сочинения : В 2-х т. — М., 1991.
13. *Спиноза Б.* Сочинения : В 2-х т. — СПб., 1999. — Т. 2.
14. *Гольбах П.Д.* Система природы или о законах физического и духовного // Избранные сочинения : В 2-х томах. — М., 1963.
15. *Гельвеций К.А.* Сочинения : В 2-х т. — М., 1973. — Т. 1.
16. *Дидро Д.* Избранные произведения. — М.; Л., 1951.
17. *Руссо Ж.-Ж.* Об общественном договоре. Трактаты. — М., 1998.
18. *Кант И.* Сочинения. — М., 1965.
19. *Кант И.* Основы метафизики нравственности. Критика практического разума. Метафизика нравов. — СПб., 1995.
20. *Гегель Г.В.Ф.* Сочинения. — М.; Л., 1959.
21. *Гегель Г.В.Ф.* Философия истории / Пер. А.М.Водена. — СПб., 2000.
22. *Фейербах Л.* Избранные философские произведения : В 2-х т. — М., 1955.